
Женская догадка обладает большей
точностью, чем мужская уверенность.

Редьярд Киплинг

Глава 1

Традиции — это законы общества, обращенные в прошлое. Иногда они бывают справедливыми, иногда не очень и совсем не подходят для будущего. Но они довлеют над настоящим, заставляя людей снова и снова обращаться к опыту своих предков, большей частью обретенному в нелегких испытаниях и доказавшему свое право на существование.

Он всегда старался соблюдать некие традиции, принятые у него на родине. И когда в очередной раз отец позвонил и пригласил его в Баку, на свадьбу племянницы, Дронго не мог отказать, сославшись на занятость или отсутствие желания. За долгие годы одиночества он выработал свой собственный моральный кодекс поведения. И первым правилом этого кодекса был безусловный приоритет мнения родителей. Дронго считал себя счастливым человеком, понимая, как трудно в условиях урбанизирован-

ного двадцать первого века дожить до восьмидесяти лет. Но когда его родители перешагнули из прошлого века в следующее тысячелетие, отметив вместе с остальными дату с тремя нулями, он всерьез решил, что это настоящий подарок судьбы. Даже на Кавказе, который славился своими долгожителями, не слишком много людей переходили отметку в семьдесят пять или восемьдесят лет. Сказывались постоянные стрессы, неблагоприятная экологическая обстановка, несерьезное отношение к собственному здоровью.

После девяносто первого года многие забыли о профилактике болезней. Сразу за распадом страны в некоторых республиках появились забытые болезни, в том числе и эпидемия детского полиомиелита, невозможная в прежние времена. Женщины отказывались рожать в больницах, понимая, какое трудное бремя расходов ложится на семью, и предпочитали оставаться дома, рискуя умереть от заражения крови. Старики молча терпели боль, не решаясь беспокоить детей просьбами о покупках дорогих лекарств. В девяностые годы произошла настоящая революция в настроениях людей, которые отказались от заботы о собственном здоровье, предпочитая иметь лишние деньги для помощи

своим детям и внукам. Дорогие препараты перестали покупать, а построенные иностранцами и оснащенные новым оборудованием больницы пустовали, так как никто не решался в них лечиться. Да и многим такое лечение было не по карману.

Именно поэтому Дронго считал себя счастливым человеком, уже успевшим понять и оценить счастье взрослого мужчины средних лет, имеющего родителей. Пока живы наши родители, мы еще дети, любил повторять сорокатрехлетний Дронго. Именно поэтому он не мог отклонить приглашение отца и приехал на свадьбу, чтобы присутствовать на торжествах, собравших более трехсот родственников.

Свадьба в Баку — всегда больше чем свадьба. Это настоящий ритуал, в котором роли распределены заранее и достаточно много действующих лиц, каждый из которых прилежно выполняет свою задачу. Сначала родственницы будущего жениха отправляются знакомиться с матерью и тетками будущей невесты. Затем, поговорив, познакомившись и получив предварительное согласие, женщины сообщают об этом мужчинам. С этого момента начинается официальная часть. Мужчины — родственники будущего жениха, его отец, дяди, старшие братья —

отправляются получать разрешение у мужчин будущей невесты. Их встречают за накрытым столом. Но если чай подадут без сахара, это будет означать, что сватам отказано. А если на столе появился сахар, то беседа становится неторопливой и спокойной. После чего все завершается благословением и разрешением молодым официально встречаться.

Затем наступает обмен кольцами. Родственники жениха готовят чемоданы с подарками всем членам семьи невесты. В свою очередь, в пустые чемоданы нужно положить ответные подарки членам семьи жениха. Происходит обмен сладостями, при этом жених, кроме обручального кольца, может подарить и еще несколько ценных вещей. Максимум нет, но большое количество и хорошая цена только приветствуются. Чем дороже и многочисленнее подарки, тем любезнее встречают жениха.

Невеста получает приданое от отца — мебель в будущий дом, белье, посуду и прочее, что будет необходимо в доме. И только затем начинаются собственно свадебные приготовления, которые завершаются свадьбой, на которую приглашают гостей с обеих сторон. А иногда гостей так много, что устраивают две свадьбы. Сначала отец невесты приглашает всех родст-

венников, чтобы отметить вместе с ними свадьбу своей дочери. А уж затем отец жениха устраивает большую свадьбу, на которую собираются все родственники.

Таковы были традиции. Но в последние годы они вызывали только иронические замечания нового поколения. Молодые предпочитали сами встречаться и решать — где, когда и с кем им лучше жить. Что касается подарков и старомодных сервизов, то они не принимались. В лучшем случае молодые соглашались получить приданое деньгами и самим определить, что именно им стоит купить. Поэтому и на свадьбах вместо традиционных подарков стали дарить деньги в конвертах. Пятьдесят и сто долларов приветствовались, двести или триста делали дарителя близким человеком, а большая сумма считалась неприличной и вызывала нарекания, если, конечно, даритель не был подчиненным кого-то из родственников молодоженов или очень близким родственником. Подчиненный мог подарить даже автомобиль, но это считалось не взяткой, а выражением уважения своему начальнику.

Одним словом, новые традиции налагались на старые, нисколько не стирая их, а, наоборот, видоизменяя и совершенствуя. И тем не менее

Дронго должен был приехать на свадьбу и принять участие в этом грандиозном мероприятии, на которое собирались знакомые, малознакомые и совсем незнакомые люди.

В противоположной стороне зала сидели родственники жениха, которых он не знал в лицо. Дронго обратил внимание, что одна молодая женщина все время смотрит в его сторону, словно пытается поймать его взгляд. Он отводил глаза, понимая, как неприлично разглядывать незнакомую женщину. Он всегда помнил разницу между Западом и Востоком. И слова Киплинга об огромной разнице традиционных человеческих ценностей. В Германии, например, почти повсеместно были общие сауны, войдя в которые можно было обнаружить сидящих на скамейке супругов, один из которых мог подвинуться, чтобы уступить вам место. Вся драматургия подобного действия заключалась в том, что все посетители сауны были в костюмах Адама и Евы. Тогда как на Кавказе или в странах Средней Азии считалось неприличным даже смотреть в упор на чужую жену, а одно упоминание о подобной сауне было бы приравнено к неслыханному оскорблению.

Однако он чувствовал тревожный взгляд женщины, и это начинало его беспокоить. Имен-

но поэтому он поднялся и незаметно вышел из большого зала в просторный коридор, где можно было подышать свежим воздухом, благо все окна были раскрыты. Курильщики спускались вниз, на первый этаж. Считалось неприличным курить в присутствии старших, сын не смел появляться с сигаретой перед отцом, даже если сыну было уже шестьдесят и он был дедушкой. Дронго вышел из зала и огляделся. В коридоре стояло два телевизора, и все желающие могли видеть свадьбу на экранах — одновременно с торжеством шла и запись памятного мероприятия.

Он улыбнулся и пошел к лестнице. Но не спустился вниз к курильщикам, а поднялся наверх, на третий этаж, где было тихо. Усевшись на подоконник, он смотрел вниз, на мерцающие огни ночного города. Внезапно за спиной слышались чьи-то торопливые шаги. Он оглянулся и чуть нахмурился — это была она, та самая молодая женщина. Правильные черты лица, чуть удлиненный узкий нос, миндалевидные светлые глаза, мягкий подбородок, красиво уложенные черные густые волосы, доходившие до плеч. Чувственные губы. Она была в темно-сером платье с длинными рукавами. Он с удовлетворением отметил сдержанный наряд молодой

женщины, ее элегантную небольшую сумочку и обувь от Гуччи. Стиль обуви и сумочек невозможно было спутать.

— Извините, — торопливо сказала она, глядя на него. Было заметно, как она волновалась. И спешила сюда, чтобы застать его одного. — Я хотела вас спросить...

— О чем? — удивился Дронго. Они даже не были представлены друг другу.

— Вам нравится число «тридцать пять»? — неожиданно сказала она.

— Не знаю, — честно признался Дронго, — мне больше нравится число «семь».

— Почему семь? — не поняла незнакомка, чуть нахмурившись.

— Я родился седьмого, — пояснил он. Было очевидно, что своим неожиданным ответом он несколько поколебал ее решимость продолжать разговор. — Кроме того, мне вообще нравится семерка. Говорят, что число «шесть» имеет отношение к дьяволу, а число «семь» — к Богу. Наверно, поэтому.

— Вы верующий человек? — изумленно спросила она, сделав шаг в сторону.

— Скорее агностик, — усмехнулся Дронго, — очень хочется поверить, что мы с вами встретимся на том свете. В аду или в раю. Я бы

согласился и на ад. Только ничего не будет. Ни рая, ни ада. В этом я абсолютно твердо убежден.

Было заметно, как она колеблется. Очевидно, она ожидала более конкретного ответа на свой вопрос. Дронго терпеливо ждал. В некоторых случаях лучше не форсировать события.

— У вас есть зажигалка? — неожиданно спросила она, не вынимая сигареты из сумочки.

— Нет, — ответил он, глядя ей в глаза. — Я не курю.

— Как странно, — произнесла она с заметным усилием, — я ведь тоже не курю. — Такое продолжение способно интриговать. Он смотрел на нее, ожидая продолжения разговора. Но она молчала. Очевидно, первые слова, которые она произнесла, были и без того слишком смелыми для нее.

— Почему-то мне показалось, что вы хотели поговорить именно со мной, — помог ей Дронго.

Она посмотрела по сторонам, словно опасаясь, что ее могут увидеть. И кивнула утвердительно.

— Мы раньше встречались? — поинтересовался он, вдруг испугавшись, что не узнал незнакомку.

— Нет, — улыбнулась она, — нет. Мы никогда раньше не встречались. Но я много слышала

о вас. Говорят, вы самый интересный человек из тех, кого можно встретить в реальной жизни. В одной из газет я прочла утверждение журналистов, что вы либо экстрасенс, либо человек, прилетевший с другой планеты, — настолько точно вы умеете предсказывать события или объяснять поступки людей.

— Журналисты должны искать всякие сенсации, — недовольно пожал плечами Дронго.

— Вам не нравится ваша популярность? — поинтересовалась она.

— Не знаю. Никогда не думал об этом. Мне кажется, что эксперту по вопросам преступности лучше не иметь столь громкой славы. Это часто мешает работе. Я ведь не пою со сцены, чтобы собирать полные залы своих поклонников.

Она еще раз улыбнулась. Было заметно, как она начинает немного успокаиваться.

Он показал в сторону города:

— Красиво.

— Да, — согласилась она, — очень красиво. Извините, что я сама подошла к вам. Это так не принято в нашем городе.

— Ничего, — сказал он, повернувшись к ней. — Мне кажется, вы давно хотели прикурить именно от моей зажигалки.

Незнакомка кивнула. Глаза у нее были светло-карие или чуть темнее. В обрамлении темных волос они казались особенно красивыми. Вдруг она спросила:

— Я вам нравлюсь?

— Это вопрос или утверждение? — Иногда он ругал себя за подобный сарказм. Ведь было очевидно, что ей стоило огромного труда произнести эти слова. Но он не умел или не хотел слушать подобные вопросы. А может, он просто боится, вдруг с нарастающим испугом подумал Дронго. Может, он боится новых отношений, новых чувств, новой связи? Может, ему так комфортно в скорлупе собственных своих мыслей, что он не хочет никого туда пускать? Может, поэтому он так трагически одинок...

— Извините. — Она резко повернулась, чтобы уйти. Он схватил ее за руку.

— Простите меня, — искренне сказал он, — я не хотел вас обидеть. Сама ситуация показалась мне достаточно необычной. Я, наверно, чувствую себя немного чужим, давно не был в городе. Не уходите, я неудачно пошутил.

Она взглянула на его руку. Он разжал пальцы. Наверно, он слишком быстро и слишком сильно схватил ее за руку.

Она покачала головой:

— Мне говорили, что с вами сложно разговаривать.

— Это тоже из разряда мифов, — возразил Дронго, — на самом деле я белый и пушистый.

— Даже слишком, — пробормотала она. — Знаете, почему я спросила вас о числе «тридцать пять»?

— Знаю, — пробормотал он, — конечно, знаю.

Она замерла.

— Вам исполнилось тридцать пять лет, — спокойно сказал Дронго, — и эта цифра вас, очевидно, нервирует. Или беспокоит. Я прав?

— Значит, вы все сразу поняли? — Было понятно, что она снова колеблется.

— Нет, но я пытался вычислить ваш возраст. Для тридцати пяти вы выглядите очень молодо.

— Это лесть или вы пытаетесь загладить вашу бестактность? — спросила незнакомка.

— Конечно, лесть. Но я пытаюсь вам понравиться.

— Не нужно, — она покачала головой, — вам это не удастся. Уже поздно. Извините, но я должна вернуться в зал.

Она повернулась и начала спускаться по лестнице.

— Почему? — спросил Дронго, глядя ей вслед. — Почему не удастся?

Незнакомка повернула голову.

— Вы мне уже понравились, — негромко сказала она, — еще до того, как я поднялась к вам.

Она повернулась и, сделав несколько шагов, исчезла из виду.

Дронго растерянно оглянулся.

— Какой я осел, — разозлился он, — даже не спросил, как ее зовут. Кажется, начинаю плохо ориентироваться. Видимо, на Западе чувствую себя гораздо увереннее и свободнее, чем на Востоке. Если бы подобный разговор состоялся где-нибудь в Париже или Берлине, то знал бы, как отвечать. Даже в Москве или в Будапеште. Но в Баку не сумел перестроиться.

Дронго нахмурился. Незнакомка, кажется, знала о нем больше, чем он о ней. Нужно будет вернуться в зал и попытаться узнать, кто она такая. И почему она проявила к нему такой интерес. Он еще раз посмотрел на ночной город и начал спускаться. Откуда ему было знать, что уже через два дня он будет стоять рядом с незнакомкой и слушать ее сбивчивый рассказ об убийстве.

Глава 2

В последние годы нефтяной бум вызвал в Баку заметное оживление. Появились пятизвездочные отели, офисы крупнейших компаний, многие информационные агентства обзавелись здесь собственными бюро, открывались новые посольства, выстраивались особняки новых «хозяев жизни». В центре города происходили разительные перемены. Но на улице Хагани, идущей вдоль парка, не было построено новых зданий. Стоявшие здесь строения считались образцом бакинской архитектуры разных периодов. Это было здание Союза писателей, построенное в конце девятнадцатого века, бывшее здание Союза композиторов, занимаемое турецким посольством и выстроенное в начале двадцатого века. И наконец, центральная библиотека со скульптурами просветителей и деятелей культуры, стоявшими вокруг здания под крышей с колоннами.

На Хагани, двадцать пять, находился и офис Дронго, который занимал две небольшие комнаты. Почтовый индекс дома был достаточно легким — тридцать семь и четыре нуля. Именно поэтому сюда шли письма со всего бывшего Советского Союза. И именно поэтому, приезжая в

родной город, Дронго заходил в офис, чтобы ознакомиться с почтой и ответить на самые интересные письма. Здесь работали только два человека. Молодая девушка-секретарь, отвечавшая на телефонные звонки и письма, а также помощник, выполнявший обязанности водителя. В большом штате не было никакой нужды, так как основную часть времени Дронго проводил в Москве или за рубежом.

Войдя в свой кабинет, он устроился в кресле, знакомясь с почтой. Минут через тридцать секретарь вошла и доложила ему, что у них посетитель. Дронго нахмурился. Посетители обычно искали его в Москве у Кружкова, где на проспекте Мира был их головной офис, а сюда лишь приходили письма на его имя.

— Кто пришел? — поинтересовался Дронго. Он не любил чувствовать себя чиновником, принимающим посетителей. Он вообще не любил подобные приемы или встречи. Для этого он был слишком независимым человеком. Ему больше нравились доверительные беседы, в которых люди рассказывали о своих проблемах.

— К вам женщина, — пояснила секретарь.

— Какая женщина? — не понял Дронго. — Спросите, как ее зовут.

— Самедова, — назвала фамилию секретарь, — вы можете ее принять?

— Она приходила раньше? — спросил Дронго.

— Нет, но у нее знакомый голос. Кажется, она звонила несколько раз и спрашивала, когда вы будете в городе. Но она никогда не представлялась. Хотя, возможно, мне только кажется.

— Пригласи ее, — разрешил Дронго, проверяя узел галстука. Секретарь вышла из кабинета, и в комнату тут же вошла вчерашняя незнакомка. Она была в темно-синем платье, волосы были тщательно уложены, очевидно, она успела утром побывать в парикмахерской. У нее были новые сумочка и обувь. Дронго оценил сдержанную элегантность наряда. Незнакомка явно имела возможность покупать себе дорогие платья и сумочки. Дронго шагнул навстречу.

— Добрый день, — поздоровался он, показывая в глубь кабинета, где стояли диван и два кресла.

— Здравствуйте, — кивнула ему незнакомка. Она чуть поколебалась, но прошла к дивану. Дронго прошел следом и устроился в кресле.

— Вы, наверно, удивлены? — спросила она.

— За долгие годы своей жизни я привык держать свое удивление при себе, — признался

он. — Очевидно, вы заранее наводили обо мне справки?

— Конечно, — улыбнулась она, — говорят, вы самый лучший эксперт.

— Мы уже условились, что не будем обращаться к мифам, — напомнил он. — Что еще интересного вы узнали обо мне?

— Говорят, вы живете один и боитесь женщин. — Лукавый огонек в ее глазах мелькнул только на мгновение. — Еще говорят, что вы уже при жизни стали живой легендой и к вашему опыту многие обращаются, когда нужен совет или помощь.

— Советов я обычно не даю, — мягко возразил Дронго, — но людям помогаю, если они меня об этом попросят.

— В таком случае считайте, что я пришла к вам за помощью.

— Надеюсь, ничего серьезного, — предположил он.

Секретарь внесла в кабинет поднос, на котором дымились чашечка кофе и чашка чая. Рядом она поставила на столик вазочки с сахаром, конфетами и фруктами. Дронго не выдал своего удовлетворения. Очевидно, его работники начинали перенимать опыт своего руководителя. Секретарь заранее узнала, что именно будет

пить гостья. Если Дронго предпочитал чай, то его гостья выбрала кофе.

— Вы не ответили на мой вопрос насчет женщин, — напомнила гостья, — вы действительно нас так боитесь?

— Это слишком интимный вопрос, — заметил он, протягивая руку к своей чашечке с чаем.

— Вы не хотите на него отвечать? Извините за мою настойчивость...

— Ничего. Но я женат, — сказал он, имея в виду Джил и своего сына.

— Я слышала об этом. Но говорят, что вы встречаетесь только раз в год. Или чаще?

— У вас искаженная информация. Я встречаюсь с ними так часто, как могу. Но они живут в Италии, а я должен работать, чтобы сохранить уважение к самому себе. И содержать свою семью. Хотя, честно говоря, они не нуждаются в моей помощи.

— Извините. Я не думала, что вы будете столь откровенны.

— Просто я тоже наводил о вас справки, — признался Дронго. — Согласитесь, что вчера вечером вы меня заинтриговали. А на свадьбе легко найти людей, которые могут рассказать о любом из гостей.

— Интересно, что вам рассказали? — спросила она, прикусив нижнюю губу.

— Вам тридцать пять лет, вы уже давно замужем. У вас шестнадцатилетняя дочь. Вы врач, ваш отец тоже был врачом, причем хорошим. Муж — представитель известной семьи. Он занимает достаточно большую должность. Ваш тесть был одним из руководителей республики. В общем, у вас устоявшаяся жизнь.

— Вы узнали, как меня зовут?

— Да. Только не знаю, как именно к вам обращаться.

— Можете называть меня просто Эсмирой. А вы откликаетесь на эту странную кличку. Почему вы не любите, когда вас называют по имени?

— Меня обычно называют Дронго, — пояснил он, — я постарался забыть о своем имени сразу после развала нашей бывшей страны. Это было слишком больно и чудовищно глупо. После этого я решил, что прежний эксперт умер, а на его месте появился Дронго.

— Мне говорили, что вам нравится, когда вас так называют.

— Я уже привык, — признался он, поставив чашку на столик. — Чем я могу вам помочь?

— Дело касается моей дочери, — призналась

она, — я понимаю, что в ее возрасте могут быть разные инциденты, ссоры. Но мне кажется, что здесь случай особенный. В последнее время к нам все время звонят и молчат. Понимаете, я бы не стала так бурно реагировать. Это может быть любой из ее знакомых. Наверно, для мальчиков подобные шутки в порядке вещей. Но три месяца назад кто-то позвонил и неожиданно выругался. Вы понимаете, что произошло? У нас в городе такие шутки недопустимы. Никто в здравом уме не посмеет так себя вести. Кто-то позвонил и грязно выругался по телефону. Мы были в шоке. Дочь проплакала всю ночь. Муж сразу обратился в полицию. Они установили, что звонили из какого-то телефона-автомата на вокзале. Вы понимаете, как мы переполошились. Сразу поменяли все номера телефонов, даже мобильных. Но месяц назад, когда мы были на даче, опять кто-то неожиданно позвонил и снова долго молчал, дышал в трубку. Дочь опять расплакалась, а я тогда подумала, что здесь может помочь только настоящий профессионал...

Она взяла свою чашечку с остывшим кофе и сделала несколько глотков, чтобы успокоиться. Затем продолжала:

— Мне рекомендовали именно вас. Признаюсь, что я с недоверием отношусь к разного ро-

да шарлатанам, всяким там провидцам, заклинателям, прорицателям, ясновидцам. Мне они не нравятся, я им не верю. Но целый месяц мне рассказывали о человеке, который умеет читать чужие мысли и разгадывать любые преступления. Это были вы. Многие в городе знают вас. Не скрою, мне было приятно, что все так восторженно о вас говорят...

— Я не умею читать чужие мысли, — возразил Дронго.

— Наверно, я неправильно выразилась. Но в остальном... все правильно...

— Это единственная причина, по которой вы меня ищете? — уточнил Дронго. — Неужели вы действительно искали меня целый месяц, чтобы я нашел телефонного хулигана? Я понимаю, насколько важно для вас спокойствие дочери, но... простите меня, мне говорили, что вы не просто врач. Мне сказали, что вы психиатр, верно?

— Вы тоже многое узнали, — сдержанно улыбнулась Эсмירה, — да, я врач-психиатр. И мне было очень интересно с вами познакомиться. Более того, я пыталась найти вас в Москве. Но вас очень трудно застать на месте.

Молчание длилось секунд пятнадцать.

Или чуть больше.

— Мне нужна ваша помощь, — тихо продолжала она, — и не только для того, чтобы найти неизвестного придурка. Мне нужно было с вами увидеться, попытаться с вами поговорить, попытаться что-то понять. Мне очень важно было с вами встретиться.

— И поэтому вы спросили меня про число «тридцать пять»? — предположил Дронго.

— Это вас шокировало?

— Не напрашивайтесь на комплимент: вы прекрасно выглядите.

— Не знаю, никогда об этом не думала. Но случай с дочерью, ночной телефонный звонок заставили меня задуматься. Я вдруг увидела, как выросла моя Деляра, как быстро пролетели годы. Она ведь уже заканчивает школу и готовится уехать учиться в Англию. Не представляю, как я буду без нее жить, — женщина тяжело вздохнула, — это так страшно. Вдруг я поняла, что жизнь закончилась. У мужа своя работа, свои интересы. Я уже десять лет не работаю. После того как начался этот общий кавардак, я решила уйти с работы, заняться дочерью. А следующим летом она уже уедет. И я останусь совсем одна. Такая одинокая старушка в тридцать пять лет. Приятная перспектива, вы не находи-

те? — Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась несколько натянутой.

— На Западе в тридцать пять лет жизнь только начинается, — напомнил Дронго, — молодые женщины определяются с карьерой, выходят замуж. Бывший госсекретарь Олбрайт, например, защищала диссертацию в сорок лет, будучи домохозяйкой и матерью трех девочек.

— Вы же все понимаете, — возразила Эмира, — у нас не Америка. И здесь не поймут, почему женщина вдруг решила заняться наукой или политикой в таком возрасте.

— Пожалуй, действительно не поймут, — согласился Дронго. — Вы хотите еще кофе?

— Нет, спасибо. Раньше я бы выпила еще чашечку, а теперь боюсь. Нужно беречь цвет лица. Хотя... какая разница... Да, если можно, пусть принесут еще чашечку кофе.

Дронго поднялся, вызвал по селектору секретаря. Когда та вошла в кабинет, он показал на пустую чашку гостыи.

— Сейчас, — улыбнулась секретарь. Она работала у Дронго уже несколько лет и успела изучить его характер за время редких наездов своего виртуального шефа.

Забрав пустые чашки, она вышла из каби-

нета. Дронго вернулся к своей собеседнице, устравиваясь в кресле.

— Подобные звонки повторились? — поинтересовался он.

— Ни разу, — ответила она, — наш телефон некоторое время был под контролем. Но никто не звонил.

— Вы сказали «какая разница», — напомнил он гостю. — Мне кажется, вы слишком серьезно воспринимаете эту глупую историю с телефонным звонком.

— Нет, — перебила она его, — не со звонком, нет. — Она смотрела ему в глаза. — Мне казалось, что вы должны чувствовать состояние своего собеседника.

— Вас волнует это число «тридцать пять»? — еще раз спросил Дронго. — Вам кажется, что жизнь заканчивается, а вы еще ничего не успели увидеть или почувствовать? Просто это кризис среднего возраста. Только он обычно бывает у мужчин. И почти не встречается у женщин. Вы же психиатр и должны это знать.

— Я знаю, — кивнула Эмира, — дело не в кризисе. Я вдруг поняла, что прожила полжизни, выполняя все предписанные ритуалы и правила, ни разу не осмелившись их нарушить. В школе я, конечно, была отличницей. В медицинский

поступила потому, что так было нужно. Куда могла поступить дочь известного профессора? Конечно, в медицинский. Уже на первом курсе мне начали искать жениха, и на втором я вышла замуж за своего нынешнего мужа. Не могу сказать, что он мне не нравился. Скорее наоборот, очень даже нравился. Он был молодой, красивый, умный, из прекрасной семьи. Через год у нас родилась дочь. Все казалось таким прекрасным...

Секретарь внесла две чашечки и поставила их на столик. Перед его гостьей снова дымился кофе, а перед Дронго стояла чашка со свежезаваренным чаем. Секретарь, мягко ступая, вышла, плотно прикрыв дверь. Эмира взглянула на уходившую молодую женщину и неожиданно сказала:

— Она красивая...

— Наверно, — сдержанно согласился Дронго.

— Шестнадцать лет назад, когда родилась наша дочь, мне все виделось в розовых тонах, — продолжала Эмира. — Мы планировали иметь двух или трех детей, но уже в восемьдесят восьмом начались сумгаитские события, затем война в Карабахе. Муж был командирован в Карабах, и мы отложили рождение ребенка. Потом начались январские события в Баку, кровь, уби-